

Посвящается мне

Вадемекум.

Гардероб.

Ледащая бабушка в валенках точит тихонько лясы возле блестящей никелированной вешалки.

Корявыми буквами объявление на стене: „Посетителей просят во время осмотра Музея не выходить из себя! Пожалуйста, помните, что Вы в Музее. Смотрите медленно. Отдыхайте долго после каждого зала“

Стеклянная будка с нахлывшейся кассиршей в оренбургском пуховом платке. Рядом с кассиршей аккуратная стопка книжек настоящего Путеводителя по Музею.

За будкой с двух сторон старинные массивные двери с металлическими буквами М и Ж.

Беззвучный водопад ковра на императорской лестнице. На самом верху стыдливая, нежная статуя Ахинеи. Розоватый струящийся мрамор стекает на пол.

1. Живопись.

Стекланный потолок. Стены, задрапированные красным бархатом, плотно увешаны картинами. Аляповатные рамы переполнены маслянистою краскою. В центре античная кушетка на изогнутых белых ножках.

Портрет жуира.

Конопатый баринок на канаве меланхолично перебирает солнечные лучи. Круглая голова с глазами усталой лягушки качается над мундиром. Лоснятся синие лосины. Из лосин мундиرونосца выпирает мужское.

За окном волглый вольер. Изгородь сочных хвощей. Воздух, покрытый сияющей рябью. В середине - райское дерево с симметричными, белыми птицами в яркозелёных листьях. Дерматинный, дюжий аспид вьётся вокруг ствола.

Струпья засушенных мазков шевелятся и вздрагивают на аспидной спине.

Козлоногий Пан преследует нимфетку. (Мифологическое полотно никому ещё неизвестного автора).

В глазах бегущей нимфетки Панический ужас. Тысяча капелек пота трясётся на узеньком лбе. Жёлтое пламя волос вплетается в ветер. Толстые амурята с пушистыми крылышками порхают под волосатыми копытами Пана.

Нагая дама в Данаиной позе на супружеском ложе. (Пастель. Художественной ценности не представляет.)

Раскрашенное фарфоровое лицо. Грушевидные груди. Белые пупырышки на прокушенных сосках. Гостеприимно приподнятое над круглым брюшком одеяло. Курчавая влумина в междулядвии. Зевс входит в неё электрическим светом. Следы божественной любви на мраморных простынях.

Пасторально-буколическая сценка. (Аллегория. Масло). Пастухи-пастушки празднуют труса. Танцующие фигурки на лужайке, заросшей трин-травой.

Поодаль стоят неподвижно две огромные ню, свесив в стороны рыжие головы. Маленькая радуга повисла над их телами. Под радугой между ню витают прозрачные феи и эльфы.

Мелодично подрагивают от ветра жёлтые струны сосновых стволов вокруг лужайки.

Золотой саксофон в небе.

Коричневой сепией абрис совершенно целомудренной девицы. На выемке под адамовым яблоком золотой крестик. Протуберанцы косичек. Шёлковый лиф. Лучевидные запястья с анемичными пальчиками. Лоно.

Игривогривуазный рогоносец со скукоженным гульфиком.
На воздушно-белом жабо отрезанная голова. Лицо недавно
перепаханном полем. Синежёлтые круги вокруг глаз. Чёрный берет-
мозгогрейка над черепной коробкой. Чешуя черепичных крыш.
Индиговый, с пигментами золота, небосвод.
Шар солнца наколот на белую колокольню.

2. Кунсткамера.

Потаённое свеченье из стен. Инобытие в Паноптикуме. Флюиды.

Лобастый хранитель диковинных слов в длинных чёрных
перчатках храпит за столом. Медленно растёт сквозь мерцающий
воздух его пористый нос.
На полке, рядом с головою хранителя, оскалились в стакане с жёлтой
водой огромные зубные протезы.
Прогрессивный паралич времени.

Заспиртованные уродцы - слова.
Монструозный сиамский близнец о двух головах: инфаркт миокарда.
Прилагательные, навсегда изогнутые в непрошедшее время.

Раскрашенные буллы-инкунабулы в светящихся плоских гробах.
По хрупким пергаментам с жужжанием ползают мохнатые чёрные
буквы.
Филькины грамоты с Гулькин носик.

Пухлый муляж из папье - маше.
Импотезантный Оксиморон в человеческий рост с припудренными
волосами. По лицу прыгают грязные пятна света. На щеках ядовитая
поросль. В белых глазах мерцают готические буквы. Из открытого рта
торчит записка.

Над Оксимороном старинная немецкая гравюра.
Студиозусы-бурши в пустых дормиториях исступлённо штудируют
костлявых, жеманных вокабул.

3. Восток.

Темно и пусто. На полу две замшелые вазы династии Минь.

Шёлковая ширма, увитая крылатыми драконами.
Между карликовыми деревьями бродят лысые мужчины со свирепыми физиономиями, не оставляя за собою теней. Драконы свиваются над ними в шевелящуюся петлю.

Влюблённые в неуклюжих, вывернутых позах под персиковым деревом.
Одинаковые белые лица с красными треугольничками плотно сжатых губ. Наполненные воздухом округлые тела. На переднем плане нефритовый стебель со вспухшими венами входит между струнами лютни в киноварную пещеру.
Из беседки с низко нахлобученной пагодой, задумчиво потирая лобок, наблюдает за влюблёнными служанка, неотличимая от своей госпожи.
Инь да Янь.

Обоеполый, симметричный Будда - повелитель центра.
Великая река струится в каменных волосах. Сосредоточенность в лотосе. Рубиновый третий глаз беззвучно сверлит туннель в нирванну.
Трансцендентальная медитация.

Тысячею рук кишат на стенах барельефы-горельефы. Мерцают отражённым кармокосмическим светом алмазные сутры.

Бритоголовый монах с голым плечом читает в ухо покойнику наставления из Книги Мёртвых.
Усопший лежит неподвижно. Из девяти отверстий его тела со свистом выходит жизненная сила.
Над головою видна вертикальная жёлтая тропинка в небо.
Внизу зияет и хлюпает нетерпеливо поджидающее чрево.

Медленно, со скрипом вращается колесо перевоплощений.

4. Средневековье.

Подземелье, заставленное изогнутыми ретортами и колбами. В фиолетовых парах резвятся большеголовые гомункулы. Каббалистические сферы под закопчённым потолком. Из фолианта на столе вылезают гуськом суккубы и инкубы. Разбегаются как тараканы по полу. Костлявое тело алхимика, не обращая на них внимания, бродит по подземелью в поисках Сути. В прозрачной ладони зажат увесистый философский камень. Кромешные глаза над растрескавшимся, красными губами плывут между ретортами, постепенно растворяясь в парах. Бесовское отродье цепляется за ноги Магистра, пытаюсь утащить его в преисподнюю.

Спальня в замке. В каменных стенах переливаются шёлком пыльные гобелены. На многоповидавшей фамильной кровати лежит герцогиня, высоко задрав вышитые бисером юбки. Под юбками копошится влюблённый менестрель, подбирая отмычку к поясу её целомудрия. Шипы на поясе нацелены в голубые глаза менестреля. По студенистым щёкам герцогини блуждает, не находя себе места, снисходительная гримаса. Луч солнца перерезает под гримасою горло и уходит глубоко в гобелен.

Трибунал святейшей инквизиции. Трое мучителей во имя Господне за дубовым столом. Ассиметричные, измождённые лица струятся белыми бородами в чёрные сутаны. У стены напротив дьявольская машина для пыток. Внутри подвешен за запястья голый еретик. Безжизненно болтается лохматая голова на худенькой шее. Вокруг головы тлеет пропитанный страданием воздух. Синий язык вывалился наружу. Женогрудый отец-инквизитор держит на ладони душу подвешенного. Подносит её к подслеповатым глазам. Брезгливо рассматривает. Назойливое жужжание молитв. Деревянное распятие над пыточной машиной съехало набок.

5. Современное Искусство.

На прозрачном параллелипипеде пузырится белая Абракадабра. Пять разбухших грудей с сосками, покрашенными толчёным кирпичом, торчат во все стороны. С соседнего постамента восхищённо рассматривает Абракадабру двуликий Анус.

Портрет бюрократа с оплавленным веком. Какофония чёрных линий на засохшем яичном желтке. Морщины в стиле раннего кубизма. Изо рта - слюною солнечный свет. Вертикальные жилы на бычьей шее. Контур уха прочерчен вопросительным знаком над щедро припорошенными перхотью плечами. Цветок оскалился в петлице. Стальные трубы брюк. Пальцы, как корни, проросшие из туфлей.

Натюрморт без фруктов. Гранёный стакан с водкой. В призме стакана расслаивается сизый огурец. За ним дырою в пространстве каравай каменного хлеба. Кухонный нож, повернутый остриём к зрителю, нетерпеливо подрагивает.

Одинокий торс эбеновой ню. Безголовая культуристка грудью упёрлась в воздух. Торжество голой плоти над духом. (Руками не трогать!)

Стена, завешенная зелёною простыней. В центре муха в анабиозе - "Смысл Бытия".

У самого выхода Грегориус Маркус, хитроумный поэтикус-руссикус. (Автопортрет на рогоже дёгтем). Чувственное, смурное лицо. Стальной бабочкой очки на переносице. Сквозь дымчатые крылья саднящие глаза. Полукружие губ как натянутый лук без стрелы. Мокрым воробушком трепещет стих на маленькой раскрытой ладони.

6. Фотография.

Портрет зародыша в материнской утробе (16 недель).
Сморщенное тельце в молитвенной позе. Умиротворённо сложенные
на животе ручки. Пуповина внутриутробного существования. Нежная
раздутая голова с лукавым личиком.
Память о предыдущих жизнях. Метемпсихоз.

Фотомонтаж “Второе Пришествие Хаоса“. (Видения Анонима).
Гигантские птеродактили носятся со свистом в клубах горячего пара.
Толпы жестикулирующих, не видящих друг друга людей со
смазанными физиономиями отгоняют растопыренными пальцами
исчадия головного мозга. Пандемониум. Ключья растущего Хаоса
словно флаги развеваются на красном небе.
Рентгеновский снимок души автора монтажа в анфас.

Повторённая в униформе морда бывшего генерала конвойных
войск, а ныне начинающего писателя.
Лишайник света на плечах словно съеденные временем погоны.
Неуверенно сведённые рыжие брови покалывают воздух. Паникёры-
зрачки в прокисших, затянутых паутиной глазах. Гофрированная шея. В
каждой морщине растерянность. Пятнистые руки прижимают к груди
потёртую пенсионную книжку.
Доигрался, щекуничик!

Серия снимков вокзала на станции “Смерть- Сортировочная“.
Прожектор. По пустой платформе с лаем носятся огромные немецкие
овчарки. Человек в серой форме бьёт в колокол.
Из окна подходящего поезда высунулось серьёзное детское лицо.
Дымящийся глаз паровоза наплывает на вокзал.
Время медленно движется вспять.
Хлопья пепла засыпают станцию.

7. Театр.

Лысый мужчина в пропитанной ядом тунике борется насмерть с Роком.

Похоже, что Рок побеждает. Рядом с лысым, откинув котурны, тихо стонет матрона в виссоновом хитоне .

Могущественные боги, свесившись с Олимпа, азартно следят за судьбами крошечных актеров.

Мизансцена в будуаре.

Пожилая мадам с мозгами набекрень в ампула инженеру истекает истомой в

альков. Ажурное дезабилье-неглиже.

Откинув руку в кружевном камзоле, густо напудренный месье куртуазно преподносит букет из солнечных лучей. Из рта тянется длинная блестящая фраза, отороченная смешком. Скачут глумлилки в подведённых глазах.

Под ногами месье шевелятся кринолины-корсеты-корсажи.

Из-за портьеры подглядывает инкогнито. Дежа уже ву.

Мадам волнуется всем телом. Женские запахи, ужимки, фантазмы и ажиотаж.

Ревнивый муж опять обманут.

Балаган на ярмарке.

Размалёванная сцена. За колосниками колыхается в заднике чья-то голая задница. Закулисная возня с со-пением.

На деревянных подмостках лицедействуют исполнители действующих лиц.

Крикливые охальники и бедрастые охальницы дружно ломают старую комедь.

Театротерапия для дебилов. Полный ататуй!

Изгнание бесов из дочери ответственного работника. (

Экзорсистская

драма. Акт первый.)

Жилистая девка в ночной рубашке, привязанная к спинке кровати. Над нею волосатолицый монах исступлённо бормочет заклинания. У изголовья в ступоре сидит девкин тятка, плотно обхватив руками свою ответственную голову. Девка визжит и плюётся. Потное туловище выгнулось дугою. Ноги бесстыдно раздвинуты. Медленно шевелятся половые губы. Лопаста света вращаются под потолком, перемалывают вязкий воздух.. Поправив съехавшие на переносицу зрачки, монах осторожно пододвигается к бесноватой. Золотой шестиконечный крест всё ниже опускается над матерящимся девкиным ртом. Девкин тятка выходит, рыдая навзрыд.

-8-

8. Балет.

Подсказывающая музыка снизу. Шестирукое маэстро- капельмейстер, барахтаясь в мелодии, размахивает лохматыми тенями из оркестровой ямы. Стая звуков торжественно рассаживается на люстре. Шелестенье партитур в притихшем зале. В увертюре появляются темы.

Сцена у отсутствующего фонтана. Радостный вертопух в белом трикко держит над головой женское тело, при этом вращаясь пируэтом. Правая нога выделяет замысловатые па. Измусоленные лепестки муслиновой пачки, как крылья живого вентилятора, разгоняют пропитанный потом воздух.

Вокруг трикко носится на атласных пуантах, сверкая интригами и изгаляясь невозможным животом, прима-балерина в бакенбардах. Неземная ревность в заломленных руках. Синие струйки дыма с угрожающим шипением выходят из плохо выбритых подмышек. Мозг примы на глазах набухает нехорошим.

Голубоглазая ведьма, вся изогнувшись как скрипичный ключ, соблазняет руками придворного пентюха. Неутолённый пентюх, разинув пустой без языка рот, беззвучно корчится в пятой позиции. За ними стеною застыли в фашистском приветствии журавлиные ноги кордебалетчиц.

Вдохновенный юноша висит над сценой в антраша, семена
прямыми ступнями. Апофеоз застывшего движения.
Под ним падеде, суэта фуэт и прочие затеи балетные.

-9-

9. Искусство Поэзии.

На густо политой солнцем лужайке утомлённый кифаред .
Монументальная глупость в ласковых, мутных глазах. Сквозь зрачки
проступает первичная материя холста. Гроздь винограда на
заскорузлой ладони. Надорванное от смеха глянцевитое пузо без пупка.
Капля солнца стекает с дородного детородного органа. Пахучий пар
идёт из паха. Послеоргазменный отдых на траве.
Вокруг танцующим полукругом дебелые, пьяные музы.
Хоровод бёдер с фиговыми листочками стихов, неряшливо
прилепленными к укромным местам.
В кудрявых, распущенных волосах венки непотребных сонетов.
Икают дактилем красные рты.

Кафешантан непризнанных гениев. (Копия с репродукции.
Оригинал находится в словохранилище Музея.)
Расхристанный бард с мухой в носу тербит сладострастно Лиру под
аккомпанимент рояля. Глиссандо.
За бардом переливаются сверкающей стеною над клавишами тысяча
пальцев матёрого тапёра.
У стойки бара пузатые силлабы запивают джин-и-тоником
рифмованные ошмётки.
Синее облако марихуаны качается над головами силлаб.
В дверях меланхолический лесбианец-халдей со лжеинтеллигентным
лицом брезгливо выметает пучком ободранных эпитетов сор из
кафешантана. Смех хлещет из его чёрного рта.

Утро в пионерском лагере. (Элегия).

Лупоглазый стихорг починяет на крыльце заржавевшую рифму.
Восхищённая толпа юных сочинителей, затаив дыхание, сгрудилась
вокруг.
За частоколом кириллицы тощий Пегаска тащит иноходью на Парнас
воз с кубометрами служебных поэм.
На козлах некто бледный из Главлита в золотых очках. Могучие
диоптрии сфокусированы на кончике блестящего носа.
Измученная Пегаскина голова качается по сторонам в похожем на закон
чёрном дышле.

-10-

Оргия метафор, подсвеченных контекстом, в квартире недавно
наподдававшего надежд сексуального лирика.
Пьяный в обездвижку хозяин сидит за столом, с трудом поддерживая
обеими руками своё пошатывающееся реноме. Творческие спазмы
душат его душу.
На диванах клубами выются тела любителей и любительниц острых
ощущений в поэзии. Панмиксия сумасводящих животов. Гоморра, а
кое-где даже и Содом. Но сраму почему-то никто не имёт.
Медленно едет крыша у сексуального лирика.

В центре зала на чёрном цилиндре одинокий Лаокоон
современного стихосложения. (Работа очень малоизвестного
скульптора. Каррарский мрамор.)

10. Музыкальные Инструменты.

Оркестр на гастролях. Гостинница. Вечер. Фойе.

Прихотливая Флейта в лиловом разглаженном платье флиртует
в углу с пожилым Контрабасом. Резвятся нахально над ними любовные
нотки.
Артистично тряхнув своей пегой копной, Контрабас извлекает наружу
давно позабытый дизел. Чуть конфузясь, гудит грубовато и нежно.
Разжиревшее тело сочтётся наигранной страстью...
И снова в журчание флирта вплетается Флейта...

Чуть поодаль холёные, нервные скрипки, усевшись в кружок, вяжут кружево звуков из воздуха спицами длинных смычков, обсуждая при этом романс Контрабаса и Флейты.

Пустой ресторан. Полутьма.
Прожигатели жизни, Корнет и Кларнет забавляются с парой шикарных гитар.
Маша-гитара и Галя-гитара, закинувши грифы, цыганские песни надрывно поют.
Качаются твёрдые бёдра в дыму сигарет...
И щиплют сердечные струны у Гали и Маши усатый Кларнет и безусый Корнет.

-11-

Королевский Рояль вспоминает о глупенькой Арфе, недавно сбежавшей с проезжим Тромбоном. По слухам Тромбон её бросил, она опустилась и пьянствует целыми днями, а ночью играет в дешёвых притонах.
Озвученный профиль страдальницы Арфы витает над чёрною тушей Рояля. Королевский Рояль сокрушённо вздыхает в четыре октавы, и мрачный аккорд из под крышки раскрытой возносится к небу.

11. Филология.

Обряд венчания в соборе языка.

У аналоя элегантный Лингвист- словелас в лакированном фраке и белая филоложница Лексичка (на четвёртом месяце) с двумя, чёрными как пиявки, губами на лице.

Вежды суженой опущены долу. Усыпано кириллицей совершенно прозрачное платье.

Сестрички Лексички бережно поддерживают шлейф.

Опытное ухо словеласа насторожённо подрагивает. Ключья влажного воздуха свисают с опухшего лица. Из глаз идёт пар.

Велеречивый метафорщик, обвешанный лохмотьями деепричастий, шестипадежно склоняет таинство брака. Сочно похрустывает суставами слогов. Машет кадиллом на цепи. Лучится паникадило над патлатой его головою.

Чмоканье. Соитие дыханий. Профиля венчующихся сливаются в трепещущем поцелуе. Суженые поглощают слюну друг у друга.

Медленно затягивается брачно-гордиевский узел на пульсирующей шее словеласа.

Грамматический андрогин ТыЯ, высунув от напряжения кончик языка, записывает имена суженых в книгу вожделений и венчаний.

Нестройный хор в углу тянет „Многая лета...“.

-12-

За иконостасом у раки с мощами святого Тезауруса колченогий служка разливает поварёшкой в бидончики святую воду. Струйка течёт между толстыми ногами Лексички.

В боковом приделе вечерняя служба.
У киота со святой Грамматикой доброкозненный диакон в золотом расшитой епитрахили выкрикивает акафист. Требуется Царство Божие здесь и сейчас.
Стая вопленниц в алатырных косынках восторженно повторяет за ним. (Не)истовые славословия. Обрядовереие. Лепота словоявленная. Исполать.

12. Оккультизм.

В заряженном, искривлённом пространстве порхают голоса.

Астральный телевизор транслирует новости . Прирученная тень развоплотившегося зрителя зала сидит перед обманным ящиком, с головою уйдя в студенистый экран.
Новости с того света очень тревожные.

Из стены напротив торчит обезглавленный призрак влюблённой женщины. Отмахиваясь пустыми рукавами от голосов, она старается привлечь внимание зрителя.
Загробные вздохи. Экивоки.

Одноглазая чёрная кошка, скрестив, как Наполеон перед Ватерлоо, пухлые лапы на груди, смотрит, не отрываясь, на болтливый призрак. Пытается его сглазить. Улыбается. Во рту вспыхивают золотые коронки.
Голубоватая аура потрескивает над её головою.

Серия полотен из психосоматической жизни.

Яйцевидноголовый магнетизёр-гипнотизёр с царственным животом демонстрирует животный магнетизм. Силовые линии пляшут вокруг круглого тела. Язычок фиолетового огня поднимается из темени. Хищно оскалены гнилые, острые зубы.
В дверях, нервно озираясь по сторонам, стоит сквозняк.
Декольтированная дама в глубоком трансе, вытянув руки, идёт к открытому окну.
Гипнотизёр читает по слогам дамские мысли. Все фразы начинаются с „О!“.
Недосбитая с толку публика неуверенно хихикает.

-13-

Старушки-спиритки с ликующим ужасом смотрят на висящий в воздухе стол. Вихорь голубоватого света крутится над их головами . Телекинетическая левитация на службе спиритизма.
На стене, подрагивая верхнюю губу, усмехается среднерусское лицо мадам Е.П.Блаватской.
Сошедший с портрета взгляд великой теософки задумчиво блуждает по комнате.

Утро экстрасенса.

Кухня совсем уже мелкогабаритной квартиры. Покрытые пылью цветы. Недоеденная котлета на сковороде. В пепельнице шевелятся живые окурки. Караваны теней ползут от окна к двери.
Полуголый дядя из бывших кgbшников с поднятыми вверх ладонями, стоя на коленях, жадно впитывает энергию космоса. Тренировочные финские штаны обтягивают богатырские ягодицы. Разбухшее от энергии тело, словно ёж, ошетинилось лучами в кухню.
За окном висит летающая бутылка.
Небо медленно вращается влево.

Панорама душевного мира.
Сумерки. Маленький остров Я в океане бессознательного. Лениво плещутся архетипы в чёрной воде. Неповоротливые чудовища инстинктов лезут на высокий берег и снова срываются в бурлящую воду.
На лысой горе посреди острова за плотным забором цензуры полуразрушенный домик. Из окошка затравленно выглядывает Сверх Я, стараясь рассмотреть соседние островки.

Заседание кружка фрейдомарксистов.
В прокуренной комнате десять нахмуренных мужчин. Исступлённая старая дева с угольными глазами и колючими ключицами, выставив левую кость, читает доклад. „Научное использование полового инстинкта в движениях рабочего класса“. Нахмуренные стыдливо ёрзают на твёрдых стульях. Пафос перманентной сексуальной революции на глазах пожирает заядлую девственницу.

-14-

Приёмная психоаналитика.
Задрапированные стены инкрустированы загадочными дипломами. Приглушённая музыка Вивальди.
С потолка свисает похожая на паука люстра.
На кушетке, привычно поглаживая неприличное указательным пальцем, ассоциирует говорящая невротичка. Зеркало её души затянута прозрачной плёнкой. Ум уже далеко зашёл за разум. Маленькие, словно циркулем прочерченные в платье, груди вызывающе торчат.
Улыбающийся доктор-душефил за массивным столом с античными статуэтками записывает в блокнот невротичкины сны. Свесив набок профессиональную улыбку, осторожно пальпирует вопросами её раздувшееся Эго.
Мутный поток подсознания вливается в чистую музыку Вивальди.

14. Журналистика.

Кабинет редактора толстенького журнала.
Спрессованные в непрочитанные рукописи чьи-то короткие жизни. Телефон, компьютер, факс и телетайп.

У окна нечестных правил тётка в платье нараспашку печатает бойко контракт. Искры темноты сыплются на пол из под инкрустированных разноцветными ногтями длинных пальцев.
Плешивый громовержец-редактор в очках без стёкол, усевшись левою ягодицей на край стола, разносит секретаршу, только-что опять запоровшую номер. Запоротый номер валяется на полу. Правая нога громовержца выделяет над ним угрожающие пируэты.
Пронзительный взгляд выходит сквозь пустые очки и упирается в плоский секретаршин живот.
Наколотое на взгляд тщедушное тельце покорно трепещет.
Слёзы ручьём текут с подбородка.

Интервью с крутым.

Бизнесмен-в-законе сидит в своём новеньком оффисе, развалившись как тюлень, и снисходительно дует себе в ус.
Со стен сияют сомнительным светом голые кинозвёзды.
Потёртая газетчица, описывая бюстом круги, умело ввинчивает бизнесмену в ухо короткие тупые вопросы.
Имидж крутого на дисплее подрагивает от тика. Вращаются в разные стороны флюоресцирующие зрачки.
Камера надвигается. Покарёженный имидж не умещается в рамки возможного, вселяя в зрителя немножечко ужаса.

-15-

Отдел экономики в провинциальной газете.

Жёлтое пространство, загромождённое ненужными предметами.
Душно.
Затруханная вахтёрша с базедовым зобом гадает по телику в углу.
Президентская телехара, похожая на святочный кулич, запинаясь талдычит на партийной фене с экрана.
Во рту вахтёрши дымится гигантская папиросина.
У стены напротив одутловатный мужичок - референт зарылся, как Индрик-норокопатель, в толще бумаг. Серебряная перхоть густо усыпала полысевший пиджак. В бумагах кишат числа, извиваясь длинными хвостами нулей. Перепончатая ладошка референта разгоняет никотиновое облако у него под носом. Мозг лихорадочно пожирает свежее клише.
За окном маковка азиатской церквушки плывёт над помойками, запахнувшись от ветра в цветастую кофту.

Онтологическая фреска на потолке.
Борьба Диамата с Идеалистикой. Исполинские фигуры духовных атлетов, переплетённые в смертельном объятии.
Налитый соками земли Диамат пытается ухватить свою бесплотную противницу. Идеалистика выскользывает, обволакивает духовностью кряжистое тело Диамата, просачивается сознанием в его твёрдую голову.
Сверкающие метафизиюльки в ушах Идеалистики, словно люстры, освещают светом голой истины тела взаимоборцев.

Справа во всю стену монументальное панно.
Платоновское хранилище прообразов несозданных вещей. В свалке силуэтов нетленный скарб. Эйдосы невызванных ещё к жизни видоидей.
Над ними роем квадратные буквы, уносимые Духом.

Слева ещё более монументальное панно, изображающее пробуждающуюся Материю.
Горизонт, прогнувшийся под тяжестью нового Солнца. Под ним равномерно дышит булькающая масса. Жёлтые пузыри взрываются в небе. Самозарождение бесформенной жизни.

-16-

В центре гносеологический пейзаж с мостом между Материей и Духом. На мосту слоняются сонные мысли без дела. Между ними фигурка кричащего человечка, похожего на прокуратора Музея. В эмпиреях дремлет Космический Разум. Самоотчуждение. Глубоко внизу преисподняя подсознания, затянутая многослойной рефлексией. В коллизиях иллюзий копошится Безумие.

Две скульптурные группировки избранных мыслителей.

В греческой группе Диоген, не вылезая из бочки, ищет с фонарём человека.
Прислонившись голой спиной к диогеновой бочке, потягивает цыкуну босой Сократ, окружённый взволнованными перипатетиками.

В центре немецкой группы калининградский профессор Кант, опираясь двумя руками на категорический императив, безразлично рассматривает на полу вещь в себе. Мысленный взор его затуманен.

Рядом мрачный Шопенгауэр старательно извлекает четверокий корень из воли как представления всего существующего. За ним, уже по ту сторону добра, зла и всего остального, философствует молотком полубезумный Фридрих. Поодаль Маркс стоит набычившись. За его плечами бесконечная серая масса умственного люмпен-пролетариата.

16. Народное Творчество.

Корявые корни-фигурки.
Душезнатели - сосмиренники, потаковники умного деланья. Клобуки над золочёными кормчими книгами. Измолившиеся лица дваждырождённых.

Раскрашенная деревянная скульптурка святого Георгия, протыкающего молнией чёрного динозавра.

Отполированный до рвоты бюст.
Несбиваемый Панталык закутан по уши в посконный армяк. Косая сажень в животе. Член стоит коромыслом. Десница торчит ошую. На плече увесистый каламбур.

Историческое полотно "Свистопляски Народов России".

-17-

Лесное урочище. Чёрные ветви прочерчены на оклеенном листьями небе. В высокой, острой траве копошится луна.

Сорок сестёр лихорадок, завывая, пляшут хороводом метелицу. Трясутся в ознобе костлявые плечи плясавиц. Завиваются голые руки. Ветер-охальник шурует нахально под пестрядиновыми сарафанами. Как рога из косынок торчат потные косы. Между сёстрами носятся огромные комары.

Посредине круга белоярый глумец верхом на намазанной салом свинье.
Раздвоенный красный язык мечется по распухшим губам. Обезумевшая свинья с визгом тычется сёстрам в твёрдые ляжки. Костистые плясавицы на все лады костят и чехвостят белоярого.

Под деревом, между корнями нетерпеливо поджидает глумца
многождыискуссомужняя любодеица-девка с тремя алыми сосцами на
каждой груди.

Поллитровая пустая бутылка приворотного зелья зажата в пухлой руке.
Стыдоду в себе удавив, хотеньем колышется ядрёное лоно.

Жилы корней на глазах набухают в острой траве.

Под соседним деревом подружка искуссомужней, тихая Сапа,
любовно украшает сияющими кленовыми листьями постель для
свиньи.

Кровославные, лепокудрые ухари в кумачёвых косоворотках
носятся поплясахом, как угорелые, вокруг костра. Рассыпаются мелкими
бесами. Кувыркаясь, хлещут себя по голенищам. Выкидывают в
стороны отколотые коленца. Гиканье, гуготня.

17. Спорт.

Загон, огороженный верёвками.

Булыжноголовые самцы больно бьют друг друга по лицам скользкими
перчатками. Красные искры сыплются из громадных ушей.

Перекатываются клубки мускулов по лоснящимся спинам. Клинч.

Орущие рты зрителей качаются над загоном, науськивая
булыжноголовых.

-18-

Лысые негры-гиганты в нумерованных майках на деревянной
площадке.

Меланхолическая джазовая импровизация из мельтешения чёрных рук
над корзинами.

Маленькое свистящее рефери болтается между чудовищных ног.

Высоко в небесах, на невидимых табло вспыхивают электрические
цифры.

Броуновское движение на овальном, зелёном поле под лучами
прожекторов.

Измождённые защитники-беки преследуют нападающих форвардов.

По центральному кругу носится вконец очумевшая полузащита.

Комья жирной грязи летят из-под бутс на бёдра атлетов.

В воротах маячат нервные голкиперы.

Суровые игры взрослых мужчин. Двадцать человек, созданных по образу и подобию Божьему, бегают из последних сил за кожаным мячом.

Белый король прячется за пешки у края доски. Разъярённая вражеская королева рвется к нему, сметая на своём пути беспомощные деревянные фигурки. Чёрные кони и шеренги солдат неотвратимо наступают за нею. Сжимается кольцо осады. Испуганно прижалась к своему королю утомлённая белая ферзь. Боги света и тьмы, свесив крючковатые носы над расчерченным полем сраженья, молча решают судьбы деревянных фигурок. Цейтнот.

18. Цирк.

Пыль опилок на арене. Джигиток с мамашею вольтижируют в сёдлах, мимоездом оскаливаясь в публику. Топот, пот и топот. Джигиттова мать с могучими голыми икрами летит на конской спине. (Когда бы грек увидел эти икры...!)

-19-

Гениальный пудель Гриша, подглядывая в шпаргалку, берет в уме тройной интеграл. Ослепительная циркачиха крутится вокруг Гриши на одноколёсном велосипеде, оставляя за собою в воздухе синие тени. На губах её танцует дрессированная улыбка. Интеграл не даётся. Циркачиха спускает на Гришу улыбку и нетерпеливо щёлкает блестящим хлыстом. Хлопоухая Гришина голова трясётся от страха. В зрачках вращаются с бешеной скоростью велосипедные спицы. Образ ужасной циркачихи мечется по извилинам маленького Гришиного мозга, не находя себе места.

Под куполом, как бельё на верёвке, развешаны братики-акробатики. Между ними порхает на трапеции что-то воздушное в пачке с цветком стихотворения, зажатым в накрашенном рту. Равнобедренный любовный треугольник, поднятый на недостижимую высоту.

Белый клоун-клоунок, уткнувшись взглядом в опилки, привычно переругивается с чёрным конферансье в кольце ребячьего хохота. Под балахоном оглушительно хлюпают потные подмышки. Нарисованная на щеке слеза, словно чёрная гиря, тянет вниз приросшую клоунскую маску.

Рядом с ними охая, ахая и ухая усердно пилит дамочку полупьяный факир. Диски зелёного света вылетают у него из зрачков и медленно кружатся над залом. Надпиленная дамочка рассылет липкие воздушные поцелуи. Публика в экстазе корчится и визжит.

Цирк, да и только!

19. Санкт-Петербург.

Купол Исакия стекает янтарною каплей в нагроможденье гранитных колонн. Белесое петербургское солнце тонет в центре гигантской капли.

-20-

Заплесневевший император осадил над скалою коня. Налитое бешенством лицо обращено к Финляндии. Между ложноклассическими дворцами Нева торжественно несёт нечистоты в залив. Опетербурженные сфинксы тупо смотрят в ядовитую воду. Двоетрубый парходик-тихоход победоносным гудением приветствует императора на скале. Стая ангелов взлетает с парапета в серое небо.

Каменные здания на Невском сочатся в асфальт ручейками очередей. Глобус книжкиного дома, как воздушный шар, поднимается к небу. За ним лихо сдвинул набок чалмы своих куполов Спас-на-Крови.

Сияют шеренги заграничных бутылок в заплёванных ларьках.
Тусуются шайки попрошаек, алкоголь перекатная. Люди разных заквасок ловят в парадных кайф.
Пучеглазые машины провозят вдоль ларьков раскормленных новых русских жён. Жёны презрительно кутаются в шкуры недавно убитых животных.
В конце перспективы тоненький вскрик Адмиралтейской иглы.
Золотой кораблик - Летучий Голландец исчезнувшей империи - пришпилен навечно к туче.

Зарытый в болотную землю Большой Дом, где коммунисты мучили людей. Круг первый ленинградского ада.
Бетонные колодцы внутренних дворов. Бюро пропусков с замухрышкой солдатом. Приснопамятные решётки на лестничных клетках.
Освященные страданием кабинеты с вездесущим, лысым бюстиком ...
И всё тот же стеклянный гробик трамвая по Петейскому проспекту уплывает в тумане на мост.

Микрорайон на окраине.
Девятиэтажные пластины, заляпанные грязными квадратиками стёкол.
Канализационные трубы на мостовых словно корни железных деревьев, проросших сквозь асфальт. По трубам урча проплывает дерьмо.
Среди расплющенных окурков гуляют с детьми измятые граждане Санкт Петербурга, жадно глотая слизистый воздух.
Фабричный дым свернулся над пластинами домов чёрным вопросительным знаком.

-21-

20. Соцреализм.

Товарищ Ленин на лихом коне ведёт в атаку несовершеннолетних бойцов. Оскаленные потноармейцы на рысях несутся убивать.

Примкнув блестящие штыки, прусским шагом маршируют русские кровавые мальчишки по Красной (от знамён) Площади.

Плохо подделанный энтузиазм.
Жирные микробожки в велюровых шляпах принимают парад.
Под ними в тёмном склепе мелко трясутся набальзамированные
квазимощи лысого идола.

Дородная ударыня-доярка во колхозном поле.
Ситцевая косынка. Платье в цветах, прилипшее к мощным бёдрам.
Цветы шевелятся от ветра. Кирзовые сапоги на босу ногу. Цинковое
ведро с парным молоком. На круглом лице нашлапкой неряшливой
красные губы.
Наглый до жути взгляд уставился в светлое будущее.

Молодой киргиз в тельняшке - начальник стройотряда, со всех
сторон
обложенный матом, стоит, опираясь рукой на лопату.
Тень от колючей проволоки качается в чёрных зрачках.

Выгребают картошку солдаты из синей, прогнившей земли. На
бритых затылках лепёшки солнца. Вдали позабытое Богом сельпо,
корпуса военного завода, земля перетянутая ржавыми рельсами.
Засыпанный копотью Третий Советский Рим.

Дом престарелых имяреков. Обсуждение характеристики на
выезд из победившего социализма.
Старики с комсомольскими лицами: „Если враг не сдаётся..“ Волдыри
орденов на лысых пиджаках.
На трибуне затравленная бабушка с ашкеназийским лицом пьёт из
гранёного стакана большими глотками мутную воду. Что-то колыхается
в набухших мешках у неё под глазами.
Скользкий духом амбал с университетским значком записывает в
блокнот.
Начальник первейшего отдела торопливо шепчет амбалу в ухо.

Плешивый гений перестройки ставит палки в колёса истории.
Колёса буксуют в крови. Недостроенный коммунизм.

-22-

21. Посткоммунизм.

Разрытая площадь у сельсовета.
В круге станичников квадратура стола, покрытого зелёным сукном.

Черночубый батько-атаман с давно испытанным лицом толкает речь о восстановлении самостоятельной Запорожской Сечи.

У ног его вольный казак в овечьей дублёнке, наброшенной на плечи, пишет письмо турецкому президенту.

Разказаченные сечевики, сгрудившись вокруг, шевелят мозгами в черепных коробках. Попахивают папахами. Мельтешат жовтоблакитные лампасы и шашки. Гордо полощутся на ветру усы атамана.

Статная жинка с толстою, как пивная струя косою, обносит самостоятников американскою горилкой.

Из задних рядов доносится недобрый гул.

Косолапая статуя в мёртвом лесу фабричных труб.

Жирный голубь планирует на бронзовое темя вождя.

У подножья табор кожаных мотоциклов. Хиппи-мордасти, приделанные к ревушим машинам. Заклёпки, шипы, кованые прохоря, бронебойная музыка. Бензинно-марихуанные запахи.

В седле существо неслабого пола со смеющимся черепом на майке.

Татуированные клешни изгибают в свастику нательный крест.

Кожаные кочевники с равнодушным интересом следят за

вздувшимися клешнями татуированного.

Внутривенное счастье полощется в рыхлых телах.

Заседание Государственной Думы.

Стоглавое туловище, одетое в раздвоенные книзу пиджаки, копошится в креслах. Под пиджаками подрагивают прозрачные хвосты. Из прокуренных ртов выскакивают синие языки, пытаюсь слизнуть голову зазевавшегося соседа.

Косноязыческий микроцефал-фюрерок с василисковым взглядом, изнемогая от любви к России, каркает в отключённый микрофон :

„импичмент! импичмент!“

На трибуне, наглотававшийся злобы дня Авторитет читает по слогам отчёт о ходе трупозаготовок в маленькой южной республике.

Шар темноты медленно проплывает по залу. Улюлюкают народные кудетаты -в-законе. Демократия.

Заколоченная дверь. „Выхода нет!“

Конец экспозиции.

Примечания к Вадемекуму.

1. Музей был создан в 1991 из частной коллекции Гр.Марка.
Со дня своего основания Музей был закрыт для посетителей.
Настоящий Вадемекум является первой, но не очень скромной попыткой ознакомить широкую публику с сокровищами Музея.
С 1991 года бессменным прокуратором Музея является Гр.Марк.
Автор Путеводителя выражает глубокую благодарность прокуратору за неизменную поддержку.
2. См. ниже.
3. См. выше.
4. См. “Не-то кириллица, не-то глаголица...”, Гравёр, Нью-Йорк, 1991. Гр. Марк (1940-???)
5. **Ibid**
6. Там же.
7. Ср. “Не сравнивай, живущий несравним. С каким - то ласковым испугом...”. О.Э.Мандельштам.
8. См. сноски 2,3.
9. Гр. Марк, Личное сообщение.
10. Sic!
11. См. “Среди Вещей и Голосов“, Нью-Йорк ,1995. Гр. Марк
12. Допуск в словохранилища Музея только по спецпропускам. С 1991года в словохранилищах производится перманентная инвентаризация.
13. Репарка Г. Марка: „Архиважно для историков абсурда!“
14. ???

15. Название условное. Оригинал утерян. Впервые напечатано в 1991 году в одном экземпляре.

16. В связи с увеличивающимися расходами администрация просит посетителей вносить пожертвования для поддержания Музея. Пожертвования могут пересылаться непосредственно прокуратору.

[На Главную Страницу](#)

